

Мы столкнулись с вышедшей нам навстречу третьей командой, когда направлялись во внутренний двор.

— Мы правда думали, что в финале будем играть против вас, ребята, — сказала я Хироши.

— То же самое, я думал, мы победим, — произнёс он с сожалением. — Если бы это только не произошло... — он протянул подковообразного толкателя. Значительная часть его основания была оторвана.

— Как это случилось?

— Один из защитников случайно врезался в него, — сказал Хироши, проведя пальцем по сломанному краю. — Шар покатился не туда, и у нас ушла минута, чтобы вернуть его в правильное положение.

— А в конце вторая команда выиграла со счётом минута и тридцать шесть секунд против минуты и пятьдесят одной секунды. Это так жестоко, не думаете? — самая высокомерная девочка нашего класса, Мисузу, положила ладонь на плечо Хироши и вздохнула.

— Они виноваты, что врезались в вас.

— Это было случайно, так что ничего не поделаешь, — неубедительно произнёс Хироши. — Будьте осторожны, — сказал он, уходя. — Кто знает, что случится в финале.

Подобные слова перед матчем звучали, как предзнаменование. Мы стали обращать чрезвычайно много внимания на происходящее вокруг. И, увидев нападающих второй команды, мы озадачились.

— Они на колёсиках? — недоверчиво прошептал Сатору.

— Мы тоже подумали об этом, но решили не делать так, потому что ось не выдержит напряжения. Как странно. Разве делать что-то такое из глины не плохая идея?

Шун искоса посмотрел на нападающих.

— Приглянитесь; это шарик, а не колесо.

К дну тела толкателя был приделан шарик. И так как мы видели только его половину, нам показалось, что это было колесо.

— Похоже, он просто катится на шариках. Если что-то в него врежется, разве он не упадёт? — задумчиво сказал Сатору. — Они должны были воткнуть его полностью.

— Нет, если бы они так сделали, то слишком быстро катились бы по песку, а это грозит катастрофой. Но в таком виде, как сейчас, думаю, он всё равно вскоре сломается, — сказал Шун с сомнением.

— Если песок остановит шарики-колёса, тогда это то же самое, что просто по-обычному толкать его, верно? Они, возможно, хотят хорошо начать и пробиться через нашу защиту, — спокойно сказала Мария.

Ответ на наш вопрос появился, как только начался матч.

— Те двое!.. — удивлённо воскликнула я.

Рё и Акира, два аса второй команды, оба контролировали толкателя.

Рё, должно быть, отвечал за его тело, направляя мраморный шар вперёд, в то время как Акира удерживал две половинки вместе, а так же расчищал путь перед шариками-колёсами. Было опасно использовать дар в непосредственной близости друг от друга, поэтому большинство избегало ситуаций, где двум людям нужно было контролировать одну вещь, но в этом случае преимущество превосходило риск.

Так как шарики-колёса не создавали сильного трения при касании о землю, они могли равномерно двигать их с помощью своего дара. Хотя по скорости их нельзя было сравнить с пятой командой, они возымели превосходный контроль над мраморным шаром.

Мы пытались защищаться, как могли, но толкатель, двигаясь зигзагами, легко прошёл сквозь зазор в нашей защите.

Защитник Сатору резко развернулся, преследуя толкателя, и врезался в медленную фигуру Мамору, заставив его вылететь за пределы поля.

— Он ранен, — сказала я Сатору, вздыхая.

— Похоже, что так. Этот толкатель и правда нечто. Теперь нам остаётся только рассчитывать на то, что твоя идея сработает.

Мы прекратили управлять защитниками и встали в стороне, чтобы контролировать ход поединка. Увидев это, члены второй команды, казалось, подумали, что мы сдались, торжествующе помчались вперёд. Затем они резко остановились и стали изумлённо озираться.

— Что происходит? Ворот нет, — крикнул нам Манабу.

— Они есть, — ответил Шун.

— Где?

— Мы вам, парни, ничего не скажем, — самодовольно произнёс Сатору.

— Эй, остановите время! Что-то не так, — пожаловался Манабу.

— Ты не посмеешь, — предупредила Мария следящего за временем ученика, члена четвёртой команды. — Не останавливай время до тех пор, пока одна из команд не выиграет.

— Я серьёзно! Как мы можем продолжать, если ворот нет?

— Я уже говорил, что они есть, — спокойно ответил Шун разозлившемуся Манабу.

— Ищите. Хотя время-то бежит, — Сатору насмехался над ними.

Хотя я и была его товарищем по команде, даже я думала, что он раздражает. А наших врагов он и вовсе приводил в бешенство.

— Мы просто потратим своё время, если их здесь нет.

— Врата здесь. Если бы не было, то мы бы нарушили правило и проиграли матч, — спокойно сказал Шун.

Манабу с подозрением оглянулся. Если мы сможем удержать эту ситуацию ещё ненадолго, то они потратят целых две минуты.

— ...они спрятаны, так ведь, — внезапно понял один из участников.

Они отчаянно осматривали поле, но ворот нигде не было видно.

— Это мошенничество! — проворчал Манабу сквозь стиснутые зубы.

— Нет такого правила, которое запрещало бы прятать ворота.

— Да, оно есть! Изменение поля — непростительное нарушение.

— Ну, мы в любом случае его не меняли. Дать тебе подсказку? — спросил Сатору.

Испугавшись, что в самом разгаре действий он может чего-нибудь натворить, я быстро прервала его.

— Расскажем вам об уловке после. Но не лучше ли вам приглядеться повнимательнее? Вы урезаете собственное время, и знаете об этом.

Манабу выглядел озадаченным, но вернулся к поиску ворот. Даже если бы он нашёл их сию минуту, пройдёт уже больше минуты. И так же возможно, что он никогда не обнаружит их. Ворота были превосходно накрыты тонким глиняным диском, замаскированным под песчаную землю. Подобно проблеску, скрывающему свою часть на дне океана, края диска были посыпаны песком. (В противовес словам Сатору о том, что мы совсем не меняли поле, то, что мы сделали, было близко к нарушению правил.)

Какое-то время вторая команда передвигала шар в бесплодных поисках цели. Затем, по велению судьбы, им удалось натолкнуться на диск. Так как он был сделан непосредственно перед матчем, он не был укреплен как следует и не смог выдержать десятикилограммового шара. Диск разломился напополам, и шар упал в ворота.

— А, он слишком легко сломался, как мы и думали.

— Но своё предназначение он выполнил. Они потратили три минуты, так что нам победа достанется легко, — оптимистично сказал Сатору.

Все мы заразились его энтузиазмом. Невозможно было, чтобы защитники второй команды были достаточно сильны для того, чтобы задержать нас на три минуты.

Поменявшись сторонами и выпустив толкателя на поле, мы всё ещё были полны уверенности.

Мы не замечали, что что-то было не так, пока вторая команда не стала волнами наступать на нас с более чем десятью защитниками. Каждый ученик контролировал как минимум двух и атаковал без разбора, постоянно врезаясь в наших нападающих. Из-за того, что их было так много, мы не могли остановить их всех. Некоторые, прорвавшись, направились прямо к шару.

Даже встав лицом к лицу с наступающими защитниками Шун продолжил спокойно продолжать двигать шар вперёд. В запасе у нас было ещё три минуты, и торопиться было некуда.

Мы пересекли почти половину поля; хотя прошла лишь минута, мы уже видели перед собой

ворота. У второй команды было много защитников, но они были слишком маленькими и лёгкими и не могли остановить пробивающегося вперёд толкателя. Победа была уже у нас в руках.

И в этот момент шар стал порывисто останавливаться, будто некая привязь оттягивала его назад. Шун был поражён. Когда он попытался толкнуть шар сильнее, кое-что произошло.

Со стороны вылетел защитник и, проскользнув мимо шара, врезался прямо в толкателя.

С высоким, чистым звуком разбившейся склянки керамические кусочки взлетели в воздух.

Все задержали дыхание. Защитник вылетел с поля, и мы увидели, что у нашего толкателя была сломана левая рука.

Хотя матч не прервался, все мы, включая членов второй команды, удивлённо застыли. Все, кроме одного.

Другой защитник встал перед шаром и толкнул его. Он медленно выкатился за пределы поля.

Кто это сделал? Я оглядела ошеломлённые лица членов второй команды и бросила взгляд на широко ухмыляющегося Манабу. Чувствуя, будто я увидела то, что мне видеть не следовало, я инстинктивно отвернулась.

— Эй! Какого чёрта вы делаете? — яростно кричал Сатору. — Вы просто... просто... — он даже не мог собраться с мыслями, чтобы закончить свою фразу.

— Простите, это вышло случайно, — сказал Манабу.

— Случайно? Это просто оправдание, — выкрикнула Мария.

— Хорошо, остановите время, — Принц Солнца встал между нами.

Он выбрал идеальное время для появления; возможно, он откуда-то наблюдал за нами.

— Я сожалею, но из-за несчастного случая финал закончился ничьей.

— Что! Но они нарушили правила, верно? — с нажимом сказал Шун, выражая свой протест, что было для него редкостью.

— Нет, это была обычная случайность. И первая, и вторая команды могут считать себя победителями, хорошо?

Услышав это от учителя, никто не отважился перечить ему.

Турнир, в котором принимал участие весь класс, завершился на этой неожиданной ноте.

— Я не могу в это поверить. Он точно нарочно это сделал! — вскипела Мария. — А ведь третья команда нас предупредила.

— Да, это никак не может быть случайностью, — согласился с ней Мамору.

— Он всё спланировал, — вмешался Сатору. — Промазать мимо шара, разбить руку толкателя

— это всё было частью его плана. Ты так не думаешь, Шун?

Шун продолжал молчать, скрестив руки.

— Что? Только не говори, что ты ему поверил?

Шун потряс головой.

— Нет... Я думаю о том, что произошло перед этим.

— Перед этим?

— Толкатель внезапно остановился, будто натолкнувшись на стену.

— Хах?

— Ты уверен?

— Да. Это было очень странно. И не похоже, что препятствие лежало на земле.

Мы все потеряли дар речи. Шун обладал острым чутьём, несравнимым с нашим, и он был не из тех, кто просто выдумал бы подобное.

В таком случае, единственное возможное объяснение состояло в том, что кто-то использовал свой дар и остановил его. Помимо того, что этот человек побрезговал правилами турнира, он воздействовал непосредственно на шар, который уже находился под контролем чужого дара — я уже упоминала об этом — а это было вопиющим нарушением Моральных Устоев. Если два дара контактировали друг с другом, проявлялось явление дифракции, что грозило разрушением космоса посредством образования чрезвычайно опасной среды. [1]

Другими словами, кто-то во второй команде совершенно спокойно относился к нарушению основополагающих правил.

Одна лишь мысль о том, что подобный человек существует, была столь тревожна, что мне казалось, словно земля готова была уйти у меня из под ног. В тот день по дороге домой мы молчали. Все, должно быть, пребывали в потрясении. Но даже тогда я не знала истинную суть страха, что терзал нас изнутри.

В период полового созревания даже самая мельчайшая проблема кажется концом света. Но наш юный, наивный разум не долго остаётся в печали; совсем скоро мы забываем первоначальную причину своего беспокойства.

К тому же, благодаря подсознательному защитному механизму, имя которому — забвение, даже самые серьёзные проблемы, заставляющие нас подвергать свой мир сомнению, исчезают подобно клубам дыма.

Как только турнир окончился, мы переключили своё внимание на более важное событие, которое Академия Просвещения проводила каждый год, — летний лагерь. Хотя звучит это как нечто счастливое и беззаботное, на самом деле это был насыщенный событиями однонедельный лагерь, где команды плывут по течению Звучной Реки и живут в палатках, свободные от надзора взрослых. Нам нужно было получить от учителя одобрение маршрута, чтобы мы не помешали планам другой команды, но это было их единственное вмешательство. Впервые мы выходили за пределы Священного Барьера со времени посещения Храма

Очищения, так что все были восхищены и взволнованы, словно нам приказали открыть новую планету.

С каждым днём наше нетерпение и беспокойство неумолимо возрастало, и стоило нам увидаться друг с другом, кто-нибудь выдавал новую историю, слух или теорию о летнем лагере, которую им довелось услышать. Хотя ни один из этих разговоров не был достоверен и не мог бы нам помочь в нашем путешествии, они уносили наше волнение прочь.

Горькое послевкусие после неудовлетворительно завершившегося турнира так же недолго послужило нам поводом для обсуждений. Мы не вспоминали ни уже долго отсутствующую Рейко Аmano, ни Манабу Катаяму, и тот факт, что он пропал, никак не волновал нас.

Конечно же, отсутствие самих этих мыслей — неоспоримое доказательство того, что нашей памятью щепетильно и ловко управляли.

— Саки, греби как следует, — пробурчал Сатору уже, наверное, в тридцатый раз.

— Я и гребу как следует, это ты просто не умеешь работать в команде, — в тридцатый раз ответила я.

Управляли канадскими каноэ два гребца, сидевшие друг за другом и двигающиеся тандемно, но если же их движения не были синхронизированы должным образом, они могли грести вечно и так никуда и не добраться. Это значит, что я с Сатору, выбранные по результатам жребия, были парой, хуже которой нельзя было ничего придумать.

— Вон, разве та пара не сильно от нас отличается?

С нашей точки зрения Мария и Мамору, казалось, пребывали в абсолютной гармонии. Хотя двухчасовая лекция о том, как правильно управлять каноэ, прошла только вчера, казалось, что они были партнёрами много лет. Помимо этого у Мамору было ещё достаточно времени, чтобы развлекать Марию, создавая радуги с помощью брызг от лодки.

— Посмотри на них повнимательнее. Мамору согласует свою скорость с Марией. Так как у сидящего спереди нет глаз на спине, второй человек должен подстраиваться под первого.

— Но Мария на самом деле ровно гребёт. А ты просто пялишься по сторонам и совсем грести забываешь, — Сатору продолжал бормотать необоснованные обвинения.

Ранний летний ветерок, обдувающий широкое русло реки, казался приятно прохладным. Я ненадолго остановилась, чтобы снять шляпу и позволить ему потеревить мои волосы. Полотенце на моих плечах развивалось подобно плащу, позволяя ветру высушить мокрую от пота футболку. Резиновый спасательный жилет носить было крайне неудобно, но это была необходимая предосторожность.

Берега заросли густым камышом, и из него раздавалось щебетание дроздовидной камышовки.

Внезапно я ощутила, как каноэ набрало скорость и мягко заскользило вперёд. На секунду я подумала, что Сатору, наконец, признал свою неправоту и начал грести изо всех сил, но, конечно же, это было не так.

Я повернулась и увидела, что он опирался на борт лодки, подставив одну руку под

подбородок, а другую опустив в воду.

— Что ты делаешь? — спросила я серьёзно.

Он поднял взгляд.

— Река такая прекрасная, как океан, только без солёных брызг, — сказал он, полностью проигнорировав суть моего вопроса.

— Не ты ли говорил, что мы должны проплыть как можно больше, не полагаясь на дар? Ты уже сдался?

— Не глупи. Ладно бы если мы шли по течению, но против течения грести слишком трудно, — Сатору зевнул.

— Поэтому-то мы отказались от дара и...

— Если ты собираешься и дальше так париться, почему бы просто не воспользоваться даром, чтобы двигать лодку? В любом случае, мы всегда сможем погрести и на обратном пути.

Было бесполезно спорить с Сатору, когда он уже впал в своё ленивое состояние. Я переключила внимание на пейзаж. Присмотревшись к Марии и Мамору, гребущим вместе, и Шуну, плывущему в одиночку, я могла сказать, что они пользовались даром не только для того, чтобы сводить на нет силу речного течения. Похоже, в людей природой было заложено выбирать лёгкий путь.

Шун помахал нам с берега реки и указал веслом на камыши. Два других каноэ сошли с курса и направились к нему.

— Посмотрите, гнездо дроздовидной камышовки.

Маленькое гнёздышко было построено на уровне груди, так что я могла заглянуть прямо в него, встав в каноэ. Лодка закачалась из стороны в сторону; Сатору ухватился за борта, чтобы удержать равновесие, и тоже всмотрелся в него.

— Ого, и правда. Но это...

Гнездо было около семи или восьми сантиметров в диаметре, заботливо закреплённое на трёх тонких камышах. Внутри лежало пёстрых, в коричневую пятнышку яиц.

— ...это правда яйцо камышовки? Это может быть и сеногнёздка, верно?

Если честно, я не могла, да и до сих пор не могу различить яйца птиц двух этих видов.

Сеногнёздка получила своё имя за то, что строит гнёзда в полях серебристой травы, но в действительности она чаще делает их из камышей на берегах рек.

— Это и правда оно, — сказал Сатору со своего места. — Сеногнёздки делают много гнёзд, и ещё они не выращивают потомство, так что их гнёзда всегда выглядят сырыми. Посмотрите, это гнездо трудно ведь рассмотреть сверху? Большинство гнёзд сеногнёздки просто выставляются на показ.

— И ты так же можешь легко сказать это по тому, какую форму имеют края гнёзда, — добавил Шун. — Дроздовидные камышовки стоят на краях гнёзд, чтобы заботиться о потомстве,

поэтому они плоские, тогда как сеногнёздки покидают его, как только закончат, поэтому у них края острые. Так же, камышовки иногда используют свои перья при постройке гнёзд. Будет излишне говорить, что у сеногнёздки в гнезде перьев нет.

Мальчишки часто разыгрывали людей с помощью поддельных яиц сеногнёздки, так что не удивительно, что они так много об этом знают. Впрочем, никто из нас никогда в жизни не интересовался этими пахнущими грязью штуками.

Мы поставили пометку, где нашли гнездо, и рядом пририсовали его упрощённое изображение, продолжив наш путь и бдительно оглядываясь.

Летний лагерь — это не только веселье и игры. Это было частью распределённых научных курсов, поэтому каждой группе приходилось заниматься исследованиями во время лагеря и представлять их после возвращения. Нам досталась довольно-таки неопределённая тема «Разновидности на Звучной Реке». Прежде чем отправиться, мы горячо поспорили по поводу того, о чём именно должны писать, и договорились только когда отплыли (разве этого было уже не достаточно?), и тогда Сатору начал рассказывать одну из своих историй в качестве примера.

— Взрыво-псы? — я рассмеялась. — Что-то настолько странное попросту не существует.

— А я тебе говорю, что они настоящие, — сказал Сатору с абсолютно невозмутимым видом.

Сатору всегда реагировал на наше сомнение столь вызывающе, что мы частенько смеялись над тем, что он говорил, чтобы просто подразнить его. Обычно мы в любом случае верили в его рассказы лишь наполовину, но в этот раз она была слишком невероятной.

— Кое-кто их недавно видел.

— Например? — спросила Мария.

— Имён я не знаю.

— Видите, всё как всегда. Он всегда настаивает на том, что есть свидетели, но когда ты просишь назвать имя, он внезапно становится уклончивым, — сказала я ликующе, но Сатору проигнорировал меня и продолжил. Почему ему так нравится дурачить людей?

— Если ты услышишь имя, ты наверняка узнаешь, кто это был. Он встретил взрыво-пса у подножия Гор Цукубы.

— И что он забыл на Горах Цукубы? — Мария клюнула на наживку, крючок и грузило Сатору, совершенно забыв о проблеме со свидетелем.

— По заданию Отдела Образования, какой-то обзор или что-то такое. Они, очевидно, не рассказывали детям всех деталей. В любом случае, когда он подошёл поближе к горам, взрыво-пёс зарогодил ему дорогу, выбежав из пещеры.

Как только я начала выискивать дыры в истории Сатору, заговорил Мамору.

— А как он выглядел?

— Размером с собаку, беспросветно чёрный, с толстым пузом. Голова его едва ли походила на голову нормального пса и свешивалась настолько низко, что доставала до земли.

— Это правда собака?

— Кто знает, может и нет.

— Он не кажется особо опасным, — сказала Мария.

— Ага. Но если он обезумеет, его тело раздуется, как шар, чтобы предупредить врага не подходить к нему. Но если ты раздразишь его ещё больше!..

— Он будет надуваться до тех пор, пока не взорвётся, верно? Тебе самому это не кажется бессмысленным? — я оборвала его, но Сатору немедленно переключил тактику.

— В этом-то и проблема.

— Хах?

— Разве это не бросает вызов здравому смыслу? Если ты хочешь обдурить людей, ты же придумашь что-то более правдоподобное, верно?

Ко мне в голову пришло сразу несколько возражений, но я промолчала. Если бы я сказала что-нибудь, это бы значило, что я принимаю его нелепую историю на слово.

Однако Сатору, кажется, почувствовал, что возымел надо мной перевес.

— Я слышал, что взрыво-псы — посланники бога, но, по-моему это обычные животные. Есть множество существ, которые пытаются казаться больше, если их подразнить, а взрыво-псы — просто их экстремальная версия. Когда они надуваются, враг наверняка будет убит или по крайней мере серьёзно ранен, — сказал он.

Шун, всё это время молча слушавший, заговорил:

— Это всё ещё звучит невероятно.

— Почему? — спросил Сатору, помрачнев.

— Потому что если это происходит по-настоящему, разве взрыво-псы умрут не прежде, чем их враги? Они бы вымерли за считанные секунды.

Это был простой, но неопровержимый аргумент. Сатору скрестил руки и притворился, что сосредоточился на этом вопросе, но я была уверена, что он ни к чему не придёт.

Как только всё начало выглядеть так, как я и предполагала, он стал говорить, будто в разговоре и вовсе не было паузы.

— ...mmm. После того, как он встретил взрыво-пса, он так же увидел дьявольского белорога.

Я чуть не упала на ровном месте.

— И что значит это твоё «mmm»? Алло? А что с взрыво-псами?

— Он отступил, увидев, как он раздувается, так что он не взорвался. Но кто знает, может, все эти разговоры про взрыв — подделки, — сказал Сатору, стараясь выскользнуть из разговора так же, как ящерица, теряющая свой хвост. — И затем, взбираясь по Горам Цукубы, он столкнулся с дьявольским белорогом, — он широко открыл глаза, изображая удивление.

— Это то же самое, что псевдобелорог? — спросил Мамору.

— Да, на первый взгляд они выглядят одинаково, но, присмотревшись повнимательнее, можно заметить, что они совершенно отличаются.

— Но почему он тогда дьявольский? — спросила Мария, нахмурившись.

— Люди, повстречавшие его, вскоре умирают.

Как смешно.

— И как же тот парень умер? Никак, верно?

— Но вскоре может, — сказал Сатору, не моргнув и глазом.

Если бы мы на этом всё так и оставили, это была бы одна из обычных бессмысленных историй Сатору. Но Шун предложил кое-что неожиданное.

— Почему бы не взять это за основу нашего доклада для летнего лагеря?

— Дьявольского белорога? — я была удивлена.

— Да, взрыво-псы и другие существа. Это редкая возможность, так что я хотел бы выяснить, есть ли они на самом деле или нет.

— Звучит интересно, — Мария с остальными тут же согласилась.

— Погодите, ребята, вы хоть понимаете, о чём говорите? Если вы встретите дьявольского белорога, то умрёте.

Как и ожидалось, Сатору изо всех сил пытался отговорить нас от этой идеи, опасаясь, что его ложь раскроют.

— Никто не собирается умирать, — Мария хихикнула.

— Но как вы хотите его поймать? Я забыл упомянуть, но на них дар не действует.

— В смысле?

Кто знает, что он мог сказать, погружившись в отчаяние. Мы все повернулись и посмотрели на него.

— Эм, я не слишком уверен.

— В любом случае, объяснись.

В конечном итоге Сатору сдался под нашим шквалом вопросов. Таким образом, тема для исследований во время нашего летнего лагеря была решена.

Но, думая рационально, невозможно найти настолько редких животных. Поэтому в итоге мы остановились на изначальной неопределённой теме, «Разновидности на Звучной Реке», чтобы в случае, если мы ничего не обнаружим, мы смогли написать об обычном белороге, сеногнёздке и прочих подобных созданиях.

Давайте вернёмся к летнему лагерю. Не прошло и десяти минут после находки в виде гнезда камышовки, я испустила небольшой вскрик.

— Посмотрите! Вон там огромное гнездо.

По какой-то причине Шун с сомнением поднял брови.

— Похоже, оно принадлежит китайской выпы.

— Да. Возможно, раз оно такое большое, то да, — согласился Сатору.

Они редко сходились во мнениях, что делало их заключение ещё более правдоподобным.

— Но оно построено довольно грубо.

Три каноэ приблизились к гнезду. Оно располагалось гораздо ниже, чем гнездо камышовки, но в некоторых местах было довольно выставлено. Некоторые животные, обладающие острым зрением, смогли бы рассмотреть его с противоположного берега.

Шун привстал на месте и заглянул в гнездо.

— Здесь пять яиц.

Моё сердце на секунду ускорилося, когда я коснулась оголённым плечом до плеча Шуна, так как наши лодки остановились рядом. Я притворилась, что внимательно изучаю гнездо с яйцами. Китайская выпы была самой маленькой птицей из семейства цаплевых, но всё же она была крупнее, чем камышовка, которая сама была размером с воробья. Её гнездо было почти в два раза больше, а яйца походили на уменьшенную синеватую версию куриных.

Шун вытащил одно яйцо из гнезда и пристально всмотрелся в него. Его челюсть отвисла.

— Ого, удивительно. Хотя я и частично ожидал это.

— Что?

— Саки, поддержи.

Он зажал яйцо между своими тонкими пальцами и положил его в мою ладонь. Оно было приятно холодным, словно керамическое.

— Что с ним не так?

— Ты не поняла? — он поднял другое яйцо и бросил его Сатору.

Меня удивляло его грубое обращение.

— погоди, что ты делаешь? Бедные цыплята.

— А-а, — Шун мягко улыбнулся. — Это подделки. Приглянись.

Он вынул ещё одно и положил его на камень неподалёку. Не успела я моргнуть, как он разбил его веслом.

— Что это?

— Рука Дьявола. Ты ведь слышала об этом, верно?

Я и в самом деле была наслышана об этом. Слегка надавив на скорлупу кончиком пальца, я почувствовала, что она была тонкой, как бумага.

— Осторожнее, у него очень острые края.

Вены, выходящие из его ядра, придавали Руке Дьявола эластичность. Как и говорил Шун, скорлупа у него была острой, с зубцами, торчащими из краёв.

— Обычно оно сворачивается в яйцо, но если скорлупу разбить, то он выйдет, воспламенившись.

— Почему?

Сатору позади меня ответил:

— Если эскулапов полоз или бусенник съедят его, то яйцо взорвётся внутри желудка. И когда он попытается выкашлять его, зубцы ещё глубже вонзятся в желудок и в конечном итоге порвут его. Тогда яд из чёрной вонючей части просочится в тело змея.

Как жестоко. Бусенники развиты таким образом, чтобы поедать исключительно яйца, и они, нападая на гнёзда и поглощая все яйца сразу, переваривают их уже после. Они получили название за свой внешний вид после того, как напихают себя яйцами. Если кому-то удастся съесть много поддельных яиц, я могу только представить, насколько ужасны были бы последствия.

Яйца несут в себе не только жизнь, но и смерть.

Я вынула свою записную тетрадь и сделала быстрый набросок поддельного яйца.

— В Трухлявом Дереве есть множество поддельных яиц камышовки, но я впервые вижу фальшивку выпи, — сказал он с любопытством, подняв подделку на солнце.

— Чтобы откладывать яйца такого размера птица должна быть довольно большой, верно?

— Нет. Она одного размера с сеногнёздкой, — сказал Шун.

— Откуда ты знаешь? — Сатору взглянул на него.

Он подбородком указал на что-то перед нами. Увиденное нас удивило.

Из чащи камышей выглядывала крошечная мордочка. Существо было похоже на цаплю с полным клювом сухой травы. Но красные глаза без век, чешуя, покрывающая морду и чёрные линии, нисходящие с кончиков его глаз, выдавали в нём, отнюдь, не птицу.

Сеногнёздка медленно размоталась, скользя по толстому стеблю. Большинство сеногнёздов черноватые или зелёно-коричневые, но эта была светло-зелёной, словно свежий росток. Хотя её клюв был почти идентичен птичьему, можно было с уверенностью сказать, что в остальном он ничем не отличался от своего предшественника — жёлтого змея.

Она строила новое гнездо, ловко вставляя камыши изо рта в разные места гнезда. Гнездо выпи располагалось на стеблях камыша, но гнездо сеногнёздки больше походило на камышовкино. Они выглядели достаточно схоже, чтобы обмануть.

— Поддельные яйца, наверное, принадлежат сеногнёздке, так как у них есть привычка строить множество гнёзд в одной местности.

Оглянувшись, я увидела, как Сатору кладёт подделку в рюкзак. В гнезде осталось только одно.

— И что ты собрался с ним сделать? — спросила Мария.

— Просто в случае, если мы не обнаружим взрыво-пса или дьявольского белорога, в докладе о летнем лагере мы сможем написать о них. Поддельные яйца, похожие на яйца выпи, довольно редкие.

— Но разве то, что мы их заберём, не плохо для сеногнёздки?

— Они поддельные, так что одного ей будет достаточно. Всё в порядке, пока гнездо не пустое.

Теория Сатору звучала приемлемо, но если и правда в этом дело, почему сеногнёздка с самого начала не отложила одно яйцо?

По крайней мере, подумала я, мы отдали должное этой хитрой змее с любопытной мордой.

Сеногнёздки выживали за счёт стратегии гнездового паразитизма.

Гнездовой паразитизм затрагивает паразита-родителя, откладывающего яйца в гнёзда других животных. Яйцо быстро вылупляется, и животное выталкивает настоящие яйца из гнезда. По-моему, это наиболее жестокий способ выживания животных. В Африке есть такие птицы — медуказчиковые, — птенцы которых рождаются с крючками на клювах, чтобы убивать потомство гнезда-хозяина.

Согласно «Естествознанию новых островов Японии» тысячу лет назад существовало лишь несколько видов кукушковых гнездовых паразитов. Но сейчас, только в пределах данной местности, {даже при всём этом, есть животные, ухаживающие за молодёжью, более трепетно относясь к поискам хорошего яйца, в которое можно было бы вторгнуться}. Мир птиц — это мир нескончаемой борьбы.

{Сеногнёздки устанавливают убедительно подделанные яйца и гнёзда в ожидании птиц, которые попались бы в их ловушку. Периодически она обходит свои гнёзда, ища новую дань.}

Я вспомнила макет скелета сеногнёздки, который увидела однажды в научном классе. Чтобы он мог измельчать яйца, его предхвостовые позвонки толще, чем у других змей, почти как коренные зубы. Он использует уже измельчённую скорлупу для изготовления собственных яиц. Из-за большого количества кальция в его теле яйца получают тяжёлыми, как птички, поэтому маленьким сеногнёздкам, чтобы вылупиться, нужны клювы.

Но до того дня я и понятия не имела, что они пользуются Рукой Дьявола как защитой от полозов и бусенников. Наверное, я спала, когда учитель рассказывал нам об этом.

Быть может, я просто оглядываюсь в прошлое, но я, кажется, помню чувство лёгкого дискомфорта в то время. Это был правдивый пример адаптации и естественного отбора, о которых упоминалось в учебнике. Ради выживания может быть развито даже нечто вроде Руки Дьявола.

Но как только мы вновь отправились в путь по Звучной Реке, все мои вопросы и опасения сдул расслабляющий ветерок.

Когда день подошёл к своему концу, мы пришвартовали свои каноэ к берегу и вышли на сушу. На песке всё ещё оставались следы группы, прошедшей тут до нас.

Первым делом мы поставили палатки. Вырыв ямы для бамбуковых шестов, мы постарались привязать к ним полотна кожаными полосками. Это было на удивление утомительно. Легче всего было, когда один человек удерживал шесты и полотна, а другой как следует прикреплял их.

Далее — приготовление еды. В каноэ у нас было больше трёх килограммов запасов, так что пропитания у нас было в достатке. Мы собрали хворост и, разложив его поблизости, разожгли огонь с помощью дара. В горшок мы поместили очищенную воду, рис, овощи, мясо, кожицу тофу и другие продукты, чтобы сделать рисовую кашу. Хотя из приправ у нас были только мисо и соль, все нагуляли аппетит и поедали горшок глазами.

Пока мы доедали, солнце уже село, и мы, рассевшись вокруг костра, разговаривали.

Эта картина всё ещё ярко пылает в моём сознании. Я устала после целого дня активности, и дым от костра заставлял мои глаза наполняться слезами. Так как это было наше первое большое приключение за пределами Священного Барьера, все мы были более энергичными, чем обычно. Когда небо сменило свой цвет с бледного на тёмно-голубой, от костра наши лица разгорелись румянцем.

Честно говоря, я подзабыла первую часть разговора. Я помню наши дневные беседы довольно хорошо, но наиболее интересные темы, поднимаемые нами той ночью, продолжают ускользать от меня. Как будто те воспоминания были смыты.

В то же время всё моё внимание было приковано к мальчику, сидящему по другую сторону от костра.

— ...ты никогда прежде этого не видела, верно, Саки? — вдруг сказал Сатору.

И что он под этим имел в виду? В любом случае, я ответила ему уклончиво:

— О, кто знает.

— Хах? Видела, значит?

— Вот видишь, ты и не могла, — сказал Сатору утвердительно.

Я хотела ему отказать, но так как я не знала, о чём он говорил, я ничего не могла с этим поделать.

— Вот... вот оно! — внезапно по какой-то причине Сатору сильно волновался. — Просто мы с Шунем тоже видели его на днях впервые, так ведь?

У меня не было выбора, кроме как потрясти головой.

Я увидела, как Шун по другую сторону костра кивнул. Я не могла вспомнить, когда эти двое стали так близки.

— Это, должно быть, что-то редкое, раз оно так хорошо охраняется.

— Похоже, что так. В любом случае, я не думаю, что кому-нибудь из нас удавалось увидеть это в Школе Гармонии, — сказал Шун спокойно, слегка улыбаясь. — Прямо за дверью расположена стена, так что если вы откроете её, вы не сможете ничего увидеть. И учителя всегда внимательны, когда закрывают и открывают её.

Значит ли это, что они на самом деле вошли во внутренний двор? Я удивлялась их смелости. Внутренний двор был участком, окружённым зданиями со всех сторон, как и в Школе Гармонии, и так как ученикам туда входить строго запрещалось, а на него не выходило никаких окон, людей обычно призывали не заходить туда ни в коем случае.

— Но мне дважды удавалось туда заглянуть, когда Принц Солнца открывал дверь. И картина задвижки по ту сторону выжглась в моей памяти.

На что будут похожи замки через тысячу лет? Я не могу представить. Раньше это были обычные куски металла с надрезами, и постепенно они стали такими же изощрёнными, как и механизм часов. Но в наше время замки мало для чего нужны, так что их конструкция вновь сильно упростилась.

Внутри двери находился десяток маленьких болтиков, расставленных радиально. Снаружи нельзя было увидеть их расположение, поэтому дверь можно было открыть только с помощью дара, имея при себе изображение её строения или запомнив его.

— ...и затем, пока я стоял на стрёме, Шун отпер дверь. Мы проскользнули внутрь и закрыли её. Затаив дыхание, мы подошли ко второй стене, — Сатору остановился, чтобы придать драматичности, оглядев нас.

— И что там было? — спросила Мария.

— Угадай, — Сатору улыбнулся.

— Не множество могил, как во внутреннем дворе Школы Гармонии? — спросила я.

Мамору, не слышавший эту историю прежде, широко раскрыл глаза.

— Что? Там были могилы?

— Нет, это просто история, которую я слышал.

— Хватит уже говорить загадками. Что там было?

— ...почти то же, что я видел в Школе Гармонии, — ответил Шун. — Там было несколько построек, но в большинстве своём внутренний двор был пуст. А в самом конце находились пять кирпичных ящиков с тяжёлыми деревянными дверями.

— Вы заглядывали внутрь?

— Собирались, но вернулись обратно, — сказал Шун.

— Почему?

— Оттуда доносился ужасный запах, и мы не захотели открывать её.

Так как Сатору всегда рассказывал преувеличенные истории с большим количеством излишних деталей, услышав что-то настолько неопределённое, мы заинтересовались.

— Что за запах такой?

— Очень резкий... как у аммиака.

— Так ты имеешь в виду, что это были туалеты?

Сатору не ответил на мою шутку.

— И не только это. Я не уверен точно, но, думаю, я слышал голоса, раздававшиеся оттуда, — сказал Шун.

— Какие именно голоса? — спросила я, хотя мне понемногу становилось страшно.

— Я не знаю, но было похоже на рёв взывающего ко мне зверя.

Они, должно быть, придумали это, чтобы испугать нас. Но хотя я и подумала так, по спине у меня бегали мурашки. Той ночью мы больше не разговаривали об этом.

На следующий день нужно было рано вставать, и хотя мы должны были пойти спать, мы хотели попутешествовать ещё немного. Внезапно Мамору, словно снег на голову, предложил устроить ночное плавание на каноэ. Мария сразу же согласилась.

Вначале я немного опасалась ночной гребли с одним только звёздным светом, указывающим нам путь. Это был инстинктивный страх быть неспособной рассмотреть то, что меня окружало.

Но было бы ещё хуже остаться одной, поэтому я решила присоединиться. Мы тянули жребий, чтобы определить, кто останется приглядывать за костром, потому что, просто уйдя, мы бы заблудились в темноте.

Я забыла упомянуть названия наших каноэ. Я с Сатору плыла на Сакурамасу 2, Мария с Мамору — Хакурен 4, а Шун — на Камуручи 7. [2] Отметив палочки с острым концом желудями, мы вытянули их. Шун и я оказались в Хакурене 4, а Мария и Мамору — в Сакурамасу 2. Сатору, к его сожалению, остался, чтобы выполнить долг охранника.

— Это нелепица, — пожаловался Сатору, не зная, когда нужно сдать. Он всегда говорил, что последняя палочка — удачная, и теперь расплачивался за это. — Вы можете отличить их, если загляните в банку!

— Точно, но никто не смотрел, — спокойно ответила Мария.

На самом деле приглядывать ко дну было необязательно. Если обратить внимание, то можно заметить, что помеченные и не помеченные палочки стоят по-разному.

Сатору сел, ворча, у костра, когда мы покинули привал.

— Не смотри на огонь, — сказал Шун.

— Почему?

— Тебе не говорили? Это первое правило для ночного плавания на каноэ. Твои глаза должны приспособиться к темноте так быстро, как это возможно, или ты ничего не увидишь.

Шун первым опустил в каноэ и обернулся, чтобы помочь мне. Моё сердце чуть не вылетело из груди, и я тут же забыла о своём страхе заблудиться на тёмной реке.

Каноэ медленно соскользнуло в ночь.

Будучи неспособными что-то увидеть, мы остерегались использовать дар и какое-то время гребли вёслами.

Даже когда мои глаза привыкли, рассмотреть что-то было трудно. Река отражала только мерцающий свет звёзд, а всё остальное покрывала тьма. Лишь один звук нарушал тишину — всплески от наших вёсел.

— Кажется, будто я нахожусь во сне, — прошептала я. — Как и там, трудно понять, как быстро мы плывём.

— Ты узнаешь, если опустишь ладонь в воду, — сказал Шун, сидевший позади.

Я положила весло, и мои пальцы погрузились в воду. Она быстро обтекала мою руку.

Откуда-то издали эхом донёсся смех Марии. Из-за тиши ночи, или же из-за неподвижности воды, звук распространялся намного дальше, чем днём.

Шун прекратил грести и положил весло в лодку.

— Что случилось?

— Если продолжим грести, рябь не уйдёт, верно?.. — казалось, что он смотрел в воду.

Оглянувшись, я увидела свет костра. Мы уже ушли довольно далеко вниз по реке.

— Да, но это ведь река, на ней всегда будут волны.

Шун прочитал свою молитву.

— Готова? Я собираюсь сгладить поверхность.

От нашей лодки прошла рябь, и волны исчезли.

— Ого, это потрясающе.

Вода будто бы замёрзла. Любые неровности сгладились, и поверхность выглядела, как отполированное стекло, огромное зеркало, отражающее каждую звёздочку в небе.

— Красиво. Словно я в космосе.

Я буду вспоминать эту ночь до самой своей смерти.

Хакурен 4 плыла вовсе не по реке, а по Млечному Пути.

Ветер принёс голос, раздающийся издали. Голос Сатору. Оглянувшись, я едва могла увидеть огонь.

— Нам стоит направиться обратно? — спросил Шун.

Я молча покачала головой.

Я хотела остаться здесь ещё на немного. С Шуном, в этом идеальном мире.

Наше каноэ плыло по звёздному небу. Я облокотилась на правую руку, чтобы насладиться этим видом.

Немного погодя я почувствовала прикосновение Шуна, его тонкие пальцы, накрывшие мои.

Я пожелала, чтобы время остановилось. Только Шун и я, связанные вот так навеки.

Я не знала, как долго мы оставались в этом положении. Голос Сатору издалека вернул меня к реальности. Похоже было, что он запаниковал, потому что никто не возвращался.

— Пойдём, — сказал Шун.

На этот раз я кивнула. Было бы подло оставлять Сатору наедине с собой так долго.

Мы развернули лодку. Шун использовал дар, чтобы протолкнуть нас против течения реки, и звёзды рассеялись меж волн.

Как только мы подобрали удобную скорость, меня ослепило чувство беспокойства.

Насколько быстро мы сейчас плыли?

Река и её берега таяли в темноте, не давая мне как следует рассмотреть что-либо.

{В случаях, когда наши чувства подводят нас, даже владея богоподобной силой дара, мы не могли развеять свою тревогу.}

И тогда мне подумалось.

Если бы мы отключили свои чувства, смогли бы мы всё ещё использовать свой дар?

А вслед за этим...

Почему никто из нашего города никогда не терял способности видеть или слышать?

Примечания:

[1] — Дифракция — сложное физическое явление, ранее трактовавшееся как огибание волной препятствий, но в современной науке вобравшее в себя достаточно широкий круг явлений, возникающих при распространении волн.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Дифракция>

[2] — Сакурамасу — вид лососей, хакурэн — серебряный карп, а камуричи так же известен как змееголов.

<http://tl.rulate.ru/book/6101/111399>